

Великий Глинка

К 100-летию со дня смерти

Гордость и национальная слава русского народа, основоположник великой русской музыкальной классики, Михаил Иванович Глинка стал незакатным солнцем нашей музыки так же, как в литературе Александр Сергеевич Пушкин.

Минувшее столетие принесло неувыдающую славу музыке Глинки. Она звучит и живет в музыкальных театрах, на концертных эстрадах, в широких кругах музыкальной самостоятельности, в быту. Бессмертные творения великого композитора учат и воспитывают поколения за поколениями музыкальной молодежи; его мудрые эстетические принципы, оплодотворявшие творчество всех русских композиторов, воздействуют на музыку наших современников.

Пытливый ум Глинки и его чуткое, большое сердце ощущаются в каждом такте смелой и задушевной, богатейшей содержанием музыки композитора, в его эстетических высказываниях, полных любви и уважения к культуре русского народа, демократической заботы о широких слоях слушателей. Как же может не восхищать известное высказывание Глинки в письме Н. В. Кукольникову: «...Можно соединить требования искусства с требованиями века и, воспользовавшись усовершенствованным инструментом и исполнением, писать пьесы, равно докладные знатокам и простой публике...». Эта мысль непреложна и сейчас для художников, заботящихся о доступности своего творчества.

В другом письме композитор пишет о том, что хочет выбрать для своей новой оперы сюжет «совершенно национальный», написать соответственно и музыку, «...Я хо-

чу, — подчеркивает Глинка, — чтоб мои дорогие соотечественники были тут как у себя дома...».

В одной из бесед с А. Н. Серовым Глинка подчеркнул силу критерия народности, значение народных истоков в творчестве, сказав: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем». Это принципиальное высказывание Глинки также крепко вошло в нашу эстетическую науку.

Разве можно забыть, раз услышав, ликующе-торжественный гимн «Славься», величественно-патристическую предсмертную арию Сусанина «Чую правду», сосредоточенно-философскую арию Руслана «О поле, поле», бесшабашно-разгульную песню Ильиничны «Ходит ветер у ворот», шепчуще-скорбный романс «Уймись, волнения страсти», драматически-живописную песню «Ночной смотр», вдохновенно лирическое претворение в поэтической музыке пушкинского стихотворения «Я помню чудное мгновенье», кипучую радость стремительной увертюры к опере «Руслан и Людмила»!

И в крупных своих произведениях и в миниатюрах композитор выявляет себя замечательным музыкальным драматургом, поэтому так необычайно свободна и в то же время художественно убеждающая форма этих произведений. Искренность и непосредственность эмоций, которые Глинка выражал в своем творчестве, очевидны и захватывающи. В. В. Стасов, например, отмечает, что романсы Глинки «служили только средством выразить в форме искусства то или другое мгновение собственной жизни, то или другое волновавшее его чувство».

Но вместе с тем творчество Глинки содержит в себе и многогранное объективное содержание, идущее от широкого кругозора композитора, его общественных устремлений, отвечающих патристическим идеалам передового русского общества начала XIX столетия. Этот широкий объективизм музыки Глинки, несомненно, имел в своей основе глубокую связь с русской народной песенностью. И эта родная песенность у него была «в крови», он сочинял русские мелодии так, что порою их трудно было отличить от подлинно народных.

Глинкинское понимание народности сформулировал М. П. Мусоргский в своем знаменитом афоризме: «Сусанин — не мужик простой, нет: идея, легенда, мощное создание необходимости...».

Глинка не замыкался только в интонационной сфере русской национальной мелодики; глубокой за-

интересованностью в музыкальной культуре других народов и поразительно чутким претворением в своей музыке характера и духа инородных мелодий он оставил последующим русским композиторам великий завет интернациональных связей и дружбы с другими народами. Его увлечения музыкой других народов не носили поверхностного характера. Побывав на Украине, он смог настолько проникнуться ощущением характера и духа украинской песенности, что своими оригинальными песнями «Гуде витер» и «Не щебечи, соловейко» вызвал сомнение в их авторской принадлежности.

Характерно, что, наполняясь впечатлениями от музыки нерусских народов, Глинка стремился отражать их не только в песенных формах, но и в крупных произведениях. Долгое время его занимала мысль о создании украинской симфонии

«Тарас Бульба» по повести Н. В. Гоголя. В письмах из Гранады к своей матери Глинка пишет об увлечении испанской музыкой: «Кроме изучения народных песен, я также учусь и здешней пляске; потому что одно и другое необходимо для совершенного изучения народной испанской музыки... Изучение народной русской музыки в моей молодости повело меня к сочинению «Жизни за царя» и «Руслана». Надеюсь, что я теперь хлопочу не напрасно».

И действительно, в творчестве Глинки одна за другой появляются две превосходные испанские увертюры «Арагонская хота» и «Ночь в Мадриде», в которых народные темы получили виртуозное развитие в симфонической разработке.

В романах, фортепьянных произведениях, операх Глинки мы встречаемся и с музыкой в духе других народностей: польской, финской, шотландской, еврейской, итальянской, кавказских народностей. И везде эта музыка звучит с полной художественной силой, порожденной чутким проникновением автора в существо данных народностей.

Фантазия на две русские темы «Баяринская», положившая основы принципам русского симфонизма, оперы «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила» явились вершинами не только всего творчества композитора, но и свергающими образцами мировой музыкальной классики. В них полностью выявились неистощимость гениальной компози-

* Под таким названием до Октябрьской революции шла опера М. И. Глинки «Иван Сусанин». Это название дал опере Николай I после первого представления «Ивана Сусанина». После революции было восстановлено прежнее название оперы — «Иван Сусанин», данное самим композитором.

торской фантазии Глинки, смелость его творческого мышления, нашедшая впоследствии отзвук в держащем девизе композиторов-мучеников «К новым берегам!», глубочайшая идейность его замыслов, верность служению народу, чувство ответственности перед ним. Каждое новое соприкосновение с этими великими произведениями приносит чувство радости и глубокого эстетического наслаждения их неувыдающей свежестью, совершенным мастерством, заново раскрывающимися «непознанными красотоми».

Музыка столь высокого полета не могла нравиться чиновничье-буржуазному обществу самодержавного царизма. Сам Глинка потешался над тем, что его музыку называли «кучерской». Однако, находясь в антагонизме с этим обществом и не всегда воочию видя перед собой слушателя, к которому он обращался своей музыкой, композитор мучительно страдал, часто метался в глубоком неудовлетворении, и эти муки на много лет сократили его жизнь. Но и при жизни композитора было немало восхищенных поклонников его музыки.

В последующих поколениях количество друзей музыки Глинки все увеличивалось и любовь к ней становилась все пламенней.

П. И. Чайковский писал П. И. Юргенсону: «Аз принадлежу и есть порождение Глинки».

Н. А. Римский-Корсаков, вспоминая о своей работе по редактированию оперных партитур Глинки, восклицает: «Пределов не было моему восхищению и поклонению этому гениальному человеку». М. П. Мусоргский в своих письмах называет Глинку «великим учителем», создателем «великой школы русской музыки».

Какой радостью наполнялись письма русских музыкантов, когда им удавалось хорошо показать музыку Глинки или услышать вдохновен-

ное исполнение ее! И как негодовали они на тех, кто пытался снизить значение и историческую роль этой музыки.

В наше время пленяющая, вечно живая музыка Глинки получила всенародное признание. Рожденная горячим, взволнованным сердцем и светлым, большим умом простого, отзывчивого русского человека и в то же время исполина-художника, эта музыка звучит в сердцах миллионов.

Все народы Советского Союза и люди многих других стран с любовью приносят имя великого Глинки.

Мария КОВАЛЬ.

На снимках: 1) в Музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных. Студентка 5-го курса вокального факультета Галина Камышан исполняет каватину Людмилы из оперы «Руслан и Людмила» М. Глинки; 2) уголок кабинета Глинки в Ленинграде.

Снимки В. Ярославцева и В. Володкина.

15 ФЕВ 1957